

ются, перебирала она листочки в своем молитвеннике, взглядывала на Короля, на Принцессу, дочь свою, и снова бралась за книгу. Елисавета, сестра Королевская, молилась с великим усердием и набожностью; мне казалось, что по лицу ея катились слезы. — В церкви было множество народу, так что я от жары и духоты упал бы в обморок, естли бы одна дама, приметив мою бледность, не подала мне спирту. Все люди смотрели на Короля и Королеву, еще более на последнюю; иные вздыхали, утирали глаза свои белыми платками; другие смотрели без всякого чувства и смеялись над бедными монахами, которые пели вечерню. — На Короле был фиолетовый кафтан; на Королеве, Елисавете и Принцессе черная платье, с простым головным убором. — Дофина видел я в Тюльери. Прекрасная, нежная Ланбаль, которой Флориан посвятил сказки свои, вела его за руку. Милой младенец! Ангел красоты и невинности! Как он, в темном своем камзолычке, с голубою лентою через плечо, прыгал и веселился на свежем воздухе! Со всех сторон бежали люди смотреть его, и все без шляп; все с радостью окружали любезного младенца, который ласкал их взором и усмешками своими. Народ любит еще кровь Царскую!» (225).

Глава, напечатанная в 1795 г., говорит об отношении народа к королевскому семейству. Она звучит как анахронизм, но с одной стороны, в ней Карамзин как бы выражает все свое уважение к королю и его семейству, с другой — заключительная строка звучит как невольный каламбур.

Важное указание содержит статья в «Зрителе» относительно писем из Лондона: «Боюсь, чтобы этот отрывок не показался слишком длинным, и обойду молчанием десять писем, в которых путешественник дает отчет о своем пребывании в Лондоне, описывает экскурсии и наблюдения, которые он там делал» (455).

Такая точная цифра «десять» противоречит общему числу датированных и недатированных писем из Лондона и позволяет предположить, что для предполагаемого издания их действительно было только десять, а остальные написаны позднее.

Далее он приводит заключительные слова английской части «Писем», которые не вошли в известный нам их текст:

«Люблю Англию, но не хотел бы провести в ней всю свою жизнь, люблю великолепное зрелище ее городов и радующих глаз деревень, ее парков и лугов, но не люблю ее печальный климат, вечные туманы, скрывающие солнце. Люблю твердый характер англичан, люблю даже их странности, но не люблю их угрюмой флегматичности. Люблю их промышленность, их честность в делах, но не люблю их искусной скупости, помышляющей о разорении всех других народов, не люблю их презрения к беднякам, возмущающего мое сердце. Люблю видеть, как они горды своей конституцией, но не люблю видеть, как они продают места в парламенте. Люблю легкий стиль Шеридана и Фокса, но не люблю